

Андрей Олеар Стихи

Оконный
бл1ю3

Андрей Олеар

Книга стихотворений

Андрей Олеар

Томск
2007

ББК 84(2p)6-5
053

Олеар А. М.

053 Оконный блюз. Книга стихотворений. – Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2007. – 124 с.

ISBN 978-5-902705-20-8

Книга Андрея Олеара «Оконный блюз» красноречиво свидетельствует о широкой духовной географии новых стихов поэта и переводчика. Наряду с лирикой последних лет в книгу вошли некоторые переводы из европейской и англо-американской поэзии.

Сборник стихотворений А. Олеара «Оконный блюз» – лауреат городского литературного конкурса «Томская книга» (2007).

Художественное оформление
Евг. Васечкин

ISBN 978-5-902705-20-8

© Олеар А. М., стихи, 2007
© Изд-во Том. ун-та, 2007

Подбадривающий блюз

По счастливому случаю я и раньше был знаком с переводами и оригинальными стихами Андрея Олеара. И эти и те мне сразу понравились своим духом открытости и внимательного любопытства. У стихов его нового сборника есть особое свойство (хорошо заметное и прежде), заключающееся в том, что они подбадривают читателя. Это происходит, по-видимому, от живости, образности и точности языка, которым они написаны. Но дело, как мне кажется, прежде всего в некоей общей внутренней авторской установке на сдержанность, благодаря чему сборник Андрея Олеара нигде не надоедает. И это – явление редкое, как в жизни, так и в любом виде искусства...

Бодрый, легко пробуждаемый интерес поэта целиком обращён на внешний мир и его переживание. Притом чуть ли не главную составную внешнего мира здесь представляет уже существующая поэзия. В «Оконном блюзе» (говорящее название книги!) стирается конвенциональная граница между переводом и так называемыми собственными стихами. В некотором, абсолютно положительном, смысле «собственные стихи» здесь являются почти такими же переводами, хотя и без соответствующего оригинала, как и те включённые в сборник образцы традиционного переводческого ремесла, где незаурядный талант автора в этой области столь явно выходит наружу. В передаче поэтом из Томска своих впечатлений и мыслей отчётливо проступает то Пастернак, то Бродский, то Оден, то ещё какой-нибудь из воспринятых с энтузиазмом менторских голосов. Го-

ворить об имитациях было бы несуразно: удачно заимствованная зоркость чужого глаза и гибкость чужого голоса оказываются как раз тем идеальным средством, которое столь точно служит для фиксации ещё не выраженного в словах мира. А для читателя интригующее знакомство с миром симпатичного сибирского художника-интеллекта нашего времени, с его экспедицией на Эверест или с его мыслями при поездке в Венецию неразрывно с удовольствием узнавания его (автора, но и просвещённого читателя тоже) любимцев из прошлой литературы. *Тоска по мировой культуре*, выраженная в собственном слове, – вот что ощущается и бодрит почти на каждой странице.

Включение в контекст книги избранных переводов из западной поэзии и осязаемое во многих местах её воздействие на собственный талант автора имеют, как я думаю, помимо всего прочего и примечательный эффект, свидетельствующий о широчайшей духовной географии сборника. «Оконный блюз» Андрея Олеара – сборник, без сомнения, стопроцентно русский в отношении языка, прежде всего любовной тонкостью общения с ним. Но одновременно он представляется мне образцом той европейской (в самом широком смысле) культуры, к которой мы все стремимся и от которой мы все так зависим.

Кейс Верхейл

Мелодия города

Воспрям, как дворник ото сна,
двор ясен, чист, с утра тверёзый...
В снег солнечные семена
просыпались из рук берёзы.

Оставив тёплое жильё,
насмешливо взирает кошка
на трепыханье воробьёв,
клюющих солнечную крошку.

От яростной их суеты,
бессмысленности трепыханья
в ней зреет тяжесть маеты
и учащение дыханья.

Лежат, расплывшись на снегу,
как кляксы на листе бумаги,
колодцы. Как на берегу –
под солнцем нежатся дворняги.

У всей природы позади
подъездные ночлежки в стужу...
Берёзы крутят бигуди,
себя разглядывая в лужах.

2001

Мишура пополам с канителью!..
Год иссяк, будто пиво и квас
в жаркий полдень. Прощаясь, не дверью
бьёт – курантами, – искры из глаз
у Небес! Потрясённое небо –
до бездонных глубин, до основ,
в конфетти разноцветного снега,
лентах радуги... Словно весной
на окошках цветы, фейерверки
машут огненной кистью. С азов
начал Век, и на чёрном мольберте
расплывается первый мазок.

Голубь

Небо спелёно в облачной кальке
сочною штукою синего шёлка.
Зов танцплощадок – голос асфальта –
манит стилиягу в потрёпанных шортах,
в красных, нелепых носочках. Рубаха
в пёстрой груди расползлась от натуги, –
видимо, в этом причина для страхов
спешно вперёд побежавшей подруги.

Дежавю

Глухо, как в омуте!.. Сонною тиной
плещется утро. Чуть различим
чёрный паук за тугой паутиной –
город в окошке... Остатки свечи
чем не огарок в ч е р а, телебашня –
гвоздь для пейзажа с е г о д н я, хотя
утренний вид на пространство покрашен
мутным тяжёлою кистью дождя.
Всё позабытое сгинет бесследно
в снах, от вчерашних спасая обид.
Только простуженной глоткою медной
старый Тифон – телефон – затрубит.

Птиц запятые на белом, туман –
сайка с изюмом... Прохожий –
жестами старый индейский шаман –
призраком уличным ожил
(он, словно в жертвенном, сизом дыму
спрятался в шкуре овечьей),
чтоб обратиться неважно к кому
на непонятном наречье.

Ледоход в Лагерном саду

Зашепчет погодка, что дома – нельзя... И покажется – в Лагерный сад, у реки, все псы притащили сегодня хозяев – облаивать белок и рвать поводки!

Мальчишек упрямые чёрные стайки снуют воробьями у кромки, на льду. Неспешные пары, как сонные чайки, места занимают в двадцатом ряду.

Как купол упругое небо! В партере палитра из курток, плащей и пальто звонка дожидается третьего, веря, что снова Весна привезла шапито.

Туда любопытства причина пустая – глазеть на медведей! – влечёт. При толпе они, потоптавшись, сбиваются в стаю и трутся боками о парапет.

Пятое февраля

Окошко. Сумерки...
С рассветом
в аквариуме тишины
домов неясные приметы
ещё не одушевлены:
кварталы кубиками кто-то
рассыпал в детской на полу.
В окошке – выцветшее фото
(с афишной тумбы на углу), –
пейзаж унылый и нехитрый,
под стать оборванному сну.
Трамвай
размашистою бритвой
располосует тишину –
окошек веки дрогнут разом,
и рты подъездов поскорей
приветствуют друг дружку фразой
на языке входных дверей.

Первый снег

Необъяснимая отрада –
закрывать глаза, упасть ничком...
С небес на крыши тихо падать,
на мостовой лежать молчком.

Одеть в перчатки сосен лапы,
забор измазать краской всласть...
И городу всему внезапно,
шутя, за шиворот попасть.

Стучаться в тысячу окошек,
а кто стучится – не сказать...
Подкрадываться и ладошкой
троллейбусу прикрыть глаза.

И, не стесняясь, на скамейки
улечься в парке у реки...
Надеть прохожим тубетейки
и памятникам – пиджаки.

Домам напудрить лица мелом
и утром встретить выходной
в отглаженной сорочке белой,
где складок нету. Ни одной!

С. Балашёву

Город, заросший щетиной антенн,
бельмами окон – рядами навывкат –
пялится. В складках морщинистых стен –
пасти подъездов. Единственный выход –

этот: наружу, в хмарь-черноту,
в сырость и запахи осени... Слиться
с резкою тенью, дрожать на ветру,
полутонами двора расслоиться.

Гладить асфальт пятипалой листвою.
Шорохом ржавым рвануться, куда-то
без толку за полночь гнать над Москвой –
яркой, *пустой*. Наперёд виновато

дальней сиренюю заголосить
вечно опаздывающей неотложки.
Зеленоглазым упорным такси
ждать у парадного. Чёрною кошкой

из подворотни метнуться. Реклам
взять и взболтнуть на воде отраженья.
Вдребезги, в крошку цветного стекла,
лампочки-лужи до изнеможенья

бить. Рвать полотнища и провода.
Или проходим, бредущим с работы,
вдруг прокричать, как кричат поезда, –
долгой, больной, остановленной нотой.

Оконный блюз

В. Суханову

Окна – особый вид
взгляда на мир, который,
в общем-то, состоит
с пылью, стеклом и шторой
в близком родстве. Окно –
Янус с двуличной рожей:
взгляд «из» и «в» давно
в чём-то одно и то же.

Сверху, наверняка,
взгляд есть кирпич – не птица:
брошенный свысока, –
не различает лица;
выглянешь: темнота-
море – масштаб, и сразу
видишь всего «кита»,
а отступив – лишь глаз. А

если, напротив, взгляд
вдруг обращён с изнанки?
Волчьи глаза горят;
взбрыкивают, как цыганки
юбками, пары штор;
пробуют голос мурки,
и к светлякам во двор
стайкой летят окурки.

Рама (прицел? скелет?
крест ли для устрашенья
бесов?), а также свет
делают нас мишенью.

В сущности же, возня
с всей квадратурой круга
окна! Вздохнёт сквозняк –
всхлипывает фрамуга.

Снизу глазеть на тьму
в окнах нет смысла. Это
глупо: а) потому,
что не видать предмета;
б) уязвим кадык;
в) взгляд на вещи – уже;
г) риск (шалльной воды
можно схватить снаружи).

...Аргус – сосед мой, дом, –
монстр с унылым ликом,
тот, что с таким трудом
и полуночным тиком
лёг, ожидая сна,
в ночь. В тучах, как в окопах,
прячет башку луна
с мутным бельмом Циклопа.

Мелодия города

Маленькие города, где
вам не скажут правду...

И. Бродский

Город, где нас не станет скоро – не потому, что умереть от скуки риск был, но мы сбежали, или – за каждым «вместе» больше «по одному» и пустота внутри меряется этажами.

Город, где верх нескромности – это когда сквозняк лезет под юбки шторам, будучи незнакомым, а с наступленьем вечера нервная их возня вид из окна уступит электрическим насекомым.

Город, где голос длится, сколько позволит звук, плюс сила лёгких, эхо. Здесь не кричи сильнее: вследствие пустоты голос не замыкает круг (не отыскав предмета) – неотражаем в ней.

Взгляды на вещи шире, если высок этаж. Вид отдалённых фабрик скалит гнилые зубы труб. Из тумана башня TV в городской пейзаж бесцеремонным пальцем тычет не так уж грубо.

Мгла побежала в ливнёвку. Дома,
улицы – как кислотою,
ею сожжённые. Зыбкая тьма
кажется вечным покоем.
В сумерках правит намёк, полутон.
Загрохотал за оградой
первый трамвай. Так шагать батальон
плитами райского сада
мог бы, наверное. К ранним стихам
вдруг пробуждается чувство.
Тут бы вступить и греметь петухам!
Жаль, нынче с ними негусто.

Гроза

Взмах тысячи бритвенных лезвий!
Лавиной сорвавшийся гром
обвалится эхом. Железным,
ободранным с крыши листом
колотит под ветром, чтоб глухо,
помедлив мгновенье, рекой
обрушиться сверху и в ухо
окошка добавить клюкой.
...Во мне ли, в тебе ли, в погоде
всё дело, когда по весне
там, на небе, всё происходит –
и, вздрогнув, ты жмёшься ко мне?..

Цветные стихи

1

Зелёным утром из зелёных туч,
в них отыскав зелёное оконце,
зелёной веткой вытянулся луч,
как яблоко, протягивая солнце.

Зелёный день вступал в свои права,
зелёный профиль предъявив в окошко
с зелёной шторой. А за той едва,
зелёная, угадывалась кошка.

Зелёный дворник скрёб зелёный двор,
асфальт зелёный поливал водою
(зелёной, разумеется!) и спор
вёл сам с собой. Зелёной бороною

тряс, как Нептун. Поодаль же, хвостом
зелёный пёс помахивая куцым,
спешил на клумбу... Дворник будит дом,
метлой грозясь дворняге, как трезубцем.

Той всё равно... Из зелени ворот
сосед авоську нёс с зелёным хлебом.
Простёгивал зелёный штапель неба
зелёною иголкой самолёт...

...Есть много и других «зелёных слов».
Их видно лишь в зелёное стекло.

Если вдруг
чёрною-чёрною сажей
кто-то весь мир
возьмёт и намажет –
солнце под чёрной
густой пеленой
вдруг неожиданно
станет луной...
В небе, закрытом
на прочные ставни,
звёзды на дырки
похожи... Забавно –
чёрными кажутся
даже слова,
чёрной – сказавшая их
голова.
Чёрным и хмурым
слышится ветер,
звонкий и добрый
при солнечном свете.
Дождь непременно
выберет случай
вылить чернил
из невидимой тучи,
чтобы по улице
брёл неуклюже
чёрный народ
через чёрные лужи.

Метель

Топчется шумною
улицей вечер,
мокрыми шубами
виснет на плечи,

выбелив городу
парки и рощи...
(Брови и бороды
красятся проще.)

Ночью верстается
завтра, и снится,
и начинается
с новой страницы.

След издалёка
кажется ночью
полунамёком
и многоточьем.

Чистым дворы
застилаются ловко,
словно ковры
принесли из кладовки;

кажется чудом
света и стужи –
моль отовсюду
мчится на ужин!

И до зари,
посреди мельтешенья,
гнут фонари
равнодушные шеи.

Сосульки никелевый гвоздь
вогнав в газон по шляпку, с крыши
невызревшую снега гроздь
апрель сорвёт, и все услышат,

как клочья фраз и птичья речь,
смешавшись, за одно мгновенье
с натруженных за зиму плеч
домов стряхнут оцепененье.

И двор, где в глубине двора
уютно, как в холодной яме,
нестройно выдохнет «ура!»
и свистнет в небо голубями.

Строфы

1

зёрна гальки
крошки щебня
засохшие кирпичные корки
ожидание
каменных голубей

2

осенние письма
печальные вести
тонкие руки
почтальон-ветер
одно для тебя
бери наугад
сожги не читая

3

после дождя
у асфальта
серые глаза
иногда голубые

Эскизы Олега Шабунина

заплаканы стёкла
город и осень
предательский пар от дыханья
частит
домам закрывает глаза
ладошками вечер
надо же
вечер ушёл
а ладошки остались
на свет твоего окна
слетаются взгляды прохожих
так птицы летят к маяку на скале
чтобы разбившись упасть
в чёрную пропасть асфальта
первые белые бабочки
приветствуя их
зовёшь отдохнуть на ладошке
они пропадают так быстро
что слёзы
не успевают высохнуть
мокрые щёки улиц
клён – цыган с сергою-монетой
луна на исходе
видимо осень

Окно в музее

Наплывы, контуры и пятна,
переплетенье лиц и тел...
Непосвящённым непонятно,
что́ автор выразить хотел.

Узоров смысл, стиль виньеток –
предмет для критики... И вот
ославлен он в оценках едких
как реализму антипод –

манерой вычурной и сложным
мазком по краске голубой...
Мороз – непонятый художник –
ушёл и всё унёс с собой,

оцененное солнцем резко,
оставив в раме полотно,
где ветер комкал занавески
и март заглядывал в окно.

Незаметные ночью

(из Леонарда Козна)

1

Я заметен в сером костюмчике ночи
лишь девицам в платьях мышиноного цвета
Днём продираясь сквозь тысячи взглядов
грежу мечтой чтоб они улыбались
но предлагается бойко лишь то
что именуется «планом-на-вечер»
(всё чем богаты) А сёстры мои –
так же как я – осколки людей
их бойфренды сплошь третьего сорта
мне насмеваются вслед – показав
всю невозможность того чего нет
и не будет меж нами пока
мы позволяем порядок вещей
при котором несчастье – норма

2

Удивляюсь количеству людей в этом городе
обитающих в мебелированных комнатах
Если за полночь поздно
глазами блуждать по фасадам домов
чужие взгляды скрестившись как лучи фонарей
вырвут вас из темноты
Вижу лицо за каждую шторой
когда возвращаюсь домой
и вдруг удивляюсь опять
количеству их отходящих от окон
захлопнувших створки своих раковин
чтобы вздохнув в свой черёд
повторить всё сказанное мною выше

(Из Деревя Уолкотта)

Середина июля тянется долгим кошачьим «мяу». Пыль – на губах деревьев. Машин остаётся мало, – кажется, все расплавились. Всё, что дворнягам надо, – тень. Капитолий крашен в розовый, а ограда по кругу Вудсфордской площади – в цвет испорченной крови. Каза Росада! Оттуда, почти из-под самой кровли, – приветы из Аргентины, вполголоса. Монотонно огненные кусты иероглифов чертят своих драконов над китайскими лавочками. Что ни аллея – печка. Унынье портных над зингерами. По-прежнему непреклонна погода: июнь с июлем сшиты – не виден глазу шов. Ожидаешь молнии, как караул – приказа «Пли!», но винтовки, видимо, снова дадут осечку.

Я живу этой пылью, тоской, заурядным зноем, верой, что заставляет бродяг усомниться, страхом, холмами в закатном свете, огнём над грязной водою гавани – тот кажется лоцманским, являясь, однако, всего-то мигалкой копов. Ужас локален, так как бывает лишь слабый порочный запах магнолии, ночью – лай (так волк революцию мог бы оплакивать, впрочем). Над всею картиной – потерянной пуговицей – луна. Зрачки фонарей – из каждого проплывающего окна. За всякую грязною шторой звенит посуда... Ночь приглашает встретиться. Будущее же свирепо, как солнце, – прямо с утра. И понял я постепенно чувство к Буэнос-Айресу Борхеса: так же слепо он знал, как пульсирует кровь в набухших уличных венах.

Снег идёт...

Б. Пастернак

Тает снег... Тает снег...
Словно солнце после стужи
потекло капелью в лужи
из-под сумеречных стрех.

Ожил город, отошёл,
как медведь от зимней спячки.
Закипает пунш горящий
в жилах улиц. Хорошо

оттого, что ледоход.
Там, на набережной, – в пёстром,
любопытства ради просто –
собирается народ –

поглазеть, разинув рты,
как река пошла и ловко
шествует, гордясь обновкой
в блёстках с кляксами. Воды

утечёт так утечёт!
Тает снег – и горя мало!
Города, года, вокзалы
помнятся наперечёт.

Снег, почти как человек,
отжил; лужицей мгновений,
дат, имён и сожалений
стали день и жизнь. И век

город сбрасывает с крыш,
и дома, собравшись в стаю,
с языков слюну роняют
новых дней.

Тает снег...

Июль. Падают звёзды...

Под утро сны безлики, как идеи,
которыми забывшись спят в стране.
Рассвет застрял в оконце привиденьем,
колодезною цепью зазвенев.

За первой трелью – на небе жар-птица;
бронзовкой щедро вымазан июль.
И Некто всю ядрёную горчицу
плеснул с размаху в сонную лазурь,

чтоб клочья тьмы луч щёткой, как патину,
отскрёб от озера, как с блюда, и не гас,
содрав тумана липкой паутины
помеху с отразивших небо глаз.

Оставивший межзвёздный муравейник,
затерянный в пространстве и в траве
мир потащился в новый понедельник,
как с вечною поклажей – муравей.

утренний лес
гигантские водоросли
в мутном стекле аквариума
снулые рыбы домов
бельма невидящих окон
блеск
золотых плавников
за туманом
голос
как тонкая спица
проходит сквозь вату
сонного тела
оно не шевелится
смерть
тишины
наступает мгновенно

Через реку

Утро ладит солнцу чепчик –
облако. И тишина
по погоде. Что нашепчет
в оправдание она?
Что ничуть не виновата
в том, что вдруг издалека
нанесло намокшей ваты –
по теченью – облака.

День выгорел до основания
не вдруг: и воздух и земля,
сливаясь, ведают заранее
длину дневного фитиля.

На головни заката попусту
лес брошенный не заалел
и, отсырев, вязанкой хвороста
покоится в ночной золе.

Пейзажа фотоснимок выцветший
растаял. На шелках реки
жемчужинами звёзды вышиты,
а искорками – светляки.

В воде, что, кажется, не движется,
дрожат, озябнув, звёзды, лес,
лампадкою луна колыхнется,
подсвечивая лик небес.

И только в поле за околицей,
под чёрным ветром, до утра
никак не выйдет успокоиться
душе неспящего костра.

Июль. Падают звёзды...

В березняке погас костёр.
Пришёл с лукошком –
рвать звёзды – ветер. Распростёр
перед окошком

не призрак – тополь – рук худых
узор, изломы...
Ночь прибывала... Как воды,
до крыши дома

уже почти что... Темноты
открылись шлюзы,
и ветер в реку с высоты
просыпал бусы.

Когда полуденную тенью
ложится наземь высота
и убывающей шагренью
ворочается по кустам,

она, скрываясь по оврагам,
ждёт до поры, когда пора
придёт – от солнца шаг за шагом –
отправиться в поля... Жара,

на травах выстоявшись словно,
горчит, как старое вино...
И тени тянут шеи снова,
как любопытные – в окно.

Отрывок

Укрывшись вылинявшей ряской,
оцепенело дремлет пруд.
(В деревне больше не живут.)
Он сам лицо своё под маской
забыл. Неясно: тут, не тут...
Хор жаб под вечер – чистый Басков.

Ещё какая-никакая
здесь бродит живность. На берегах
камыш конечности макает,
в болотных, грязных сапогах,
в тугую тину. Не смолкая
гремит комар. Гниют стога.

Когда-то свежее лицо
его, что знало солнце, гримом
испорчено необратимо
(гримёр был, верно, подлецом) –
для представленья пантомимы
«Перед естественным концом»...

Клубами табачного дыма рассвет,
с больной головою нависший над полем,
от сырости запахов в прелой листве
густой и ядрёный... Как после застолья,
на скатерти жёлтой – проплешины... Мгла
стекла по оврагам, как пролитый кофе,
а звёздные крошки смахнул со стола
метёлкою лес, чей изломанный профиль –
и в небе, и в озере... В чёрной воде
машины молчат обездвиженной грудой
в ч е р а; что с е г о д н я – всегда и везде –
похоже на гору немойтой посуды.

Жигулёнок, как пёс, спозаранку
сонно стряхивающий репы,
профырчит – заведут перебранку
перепуганные воробьи...
В белый свет – как в копеечку, просто –
с чердака, брызнув веером пуль,
ошалелые сыплются осы
и шутя попадают в июль.

Обернёт мошкой плечи
плащ с подкладкой из жары.
Полдень. Ветер лупит крепче
одуванчики-шары –

мастер! И удар хороший:
шар как будто сам бежит
по сукну поляны. Мошек
ловко влёт стригут стрижи

(при каком ни есть, а деле).
В сонной заводи реки
умирают от безделья
красной стаяй поплавки

меж кувшинок. Да в оконцах,
где зависли облака,
всё спуют по ним и солнцу
водомерки на коньках.

В детстве можно человеку
всё иначе объяснить:
звёзд нанизано на реку,
словно бусинок на нить;

ночь, когда задёрнут шторы
на окошке у небес,
ест на ужин поле, горы,
реку, озеро и лес,

а глазком яичным глядя,
не моргнёт луна в воде;
солнца жарится оладья
в озере-сковороде;

если в щёки барабану
гром ударит, – рощам – душ;
холод – мастер дел стеклянных –
вставит окна в сотни луж;

утро, спичкою зарницы
чиркнув, солнышком горит,
а на облака странице –
журавлиный алфавит!

...В мире взрослых дать непросто
объяснение всему –
легче «эй!» отправить в Космос
(там услышат и поймут).

Если в сказанном, читатель,
ты не видишь чепухи –
всё в порядке! Можешь, кстати,
продолжать читать стихи.

Пейзаж со слоном

Действительность в колониальном стиле
ворчит спросонок. С первого звонка
под окнами ползёт в автомобилях
и рухлядь добывает с чердака.

Над мостовой, листвой и пылью будней
закрутится и, оформляясь в гам,
в тюках, свистках, витринах, красках, людях
задвигается благодаря ногам.

Жизнь жаждет тел! На встречах курсах – лодки,
кипит фарватер уличной реки.
На тротуаре, как на сковородке,
на масле солнца жарят рюкзаки.

Роятся впечатления... (Охота
на те пошла!) Вокруг, куда ни глянь, –
гуденье пчёл. И жизнь в дома, как в соты,
вторгается с энергией шмеля.

На щёки окон свет наносит пудрой
действительность в античной простоте.
На завтрак закипающее утро,
как кофе, поспекает на плите.

Район, к семи освободясь от транса,
встряхнётся, улыбнётся натошак...
В огнях жаровен плавится пространство.
И время ладит пробы на вещах.

Какой ветрище!.. Кажется, нагорье Тибета, здесь (с палеозойских пор ещё) дорогу сокращая к звёздам, случайно обнаружило вдруг дырку в пространстве; ветер же «в крючки» игрою занят, упражняя пальцы.

Сквозная рана в телесах пространства
стонать, ворочаясь на белых простынях,
последнему даёт все основанья.
А ветры, как бродячие коты,
приводят слух случайных постояльцев
в смущение своим полночным мявом.

Безумствует сквозняк. Окно открыто.
В двух плоскостях меж небом и землёй
закат кровавит чистые бинты,
на всю длину распущенные ветром.
Курильщик-вечер занял подоконник,
и, выдыхая дымку облаков,
он смотрит вниз огромным чёрным оком,
мигая сигаретами подолгу.

В Непале есть столица Катманду...

Иосиф Бродский

1

Ночь явственнее из окна.
И сумрак (то ли пролит с крыши,
то ли поднявшийся со дна)
домам уже по горло... выше.
И улица – цвета! цветы! –
растаяла в ночных объятьях,
бесстыдно в звуках темноты
отбросив видимость, как платье.

2

Ночи, накатываясь на Катманду
быстрее опаздывающего трамвая,
чёрным плащом у зренья крадут
клетку с болтливым цветным попугаем.

Пейзаж со слоном

1

Неторопливый, как уют
на скатерти в процессе глажки,
плыл слон... Одетый «от кутюр» –
Природы – только в ню-рубашку,

торил погонщик-лоцман путь;
как будто зная все глубины,
он «танкер» вёл не как-нибудь –
придерживаясь середины.

Так мог бы паровой каток
ползти, блаженно улыбаясь!
Чему? Но этого никто
не знал. Хотя, намереваясь

являть глубокий интерес
до экзистенции слоновьей,
был любопытства мелкий бес
толпы в режиме «наготове» –

увидеть, пусть издалека,
как мчит теченьем мимо пляжа
цветная бурная река
волнующую часть пейзажа.

Ах, как индийское кино
времен Джавахарлала Неру
слоны украсили! Да, но...
они не сделали карьеры.

Причина, видимо, в простой
привычке: добродушным малым
всего-то требовалось то,
что есть лишь в джунглях. Им, пожалуй,

удобно было б и в тайге,
сподручно в сельве... Там пропащий
типаж сей не был бы «к ноге»
взят, как его ушедший пращур.

С тех пор (не волк, но глядя в лес
вослед инстинкту как мотиву)
он там – с бревном наперевес,
взбесившимся локомотивом

торящий в девственном лесу
природы путь цивилизаций...
В нём, в общем, подлинная суть
и лик прогресса! Может статься,

с последним он и несравним
масштабом, но – признаем честно! –
меж человеческих равнин
слон есть подобье Эвереста.

В котле ущелья варевом
ведьминым бурлит, поёт
утро. Над Гималаями
оранжевый встаёт

рассвет. Рвёт связки сызнава
ветер – он взять решил
все ноты, те, что вызнала
душа. Где ни души, –

вскипев белёсой пеною,
бежит себе легко
с горы обыкновенное
утро-молоко.

И только пташки ранние,
да, может, яки, тут
не обратят внимания
на эту красоту.

Скалы

скалы имеют глаза
цвета времени суток
днём голубые как небо
упавшее в озеро
ночью
чернее судебных чернил
на документах рождений и смерти
с горсткой неравных тире
между чисел

пристально глядя в пространство
(они не моргали ни разу
кажется целую вечность)
выдать неловко
намерений тайных
они не сумеют
им остаётся
показывать младшим
всё равнодушие мира и неба

если бы сердце природы могло
биться с такой частотой сокращений
пульса
(где паузы – тысячелетья)

будьте уверены
что из скалы
чёрных камней гималайского неба
его бы и высек
Создатель

Памяти Сергея Черноярова

1

Клубок тропы, что разматывается в гору
в явном противоречии с законами гравитации, –
дорога к вершине (собственность фантазёров,
чьё «жить» с неизбежностью означает «драться»).

Как вознесение в небо, она – не продукт расчёта,
но линия на ладони длиною – как ни крути –
не на километры, – годы! Поскольку с началом счёта
дорога – и состояние, и главный итог пути.

2

В скалах буйствует эхо, чтоб, в интересах дела,
вырвать у Хроноса (видимо, спор идейный)
виды на Голос, – здесь голос способен тело
оставить, затем чтобы жить от него отдельно.

Времени безразличны: эхо в камнях, в бумаге;
пройденные по вертикали, несделанные – шаги...
Голос берёт вершины, чтобы с упорством скряги
перебирать их вечность, как с прозеленью медяки.

Смысл каждой взятой высоты
не обитает в недрах слова.
Обломки сбывшейся мечты
идут на пьедестал для новой.

Алексею Никифорову

Тибетец-шерпа, подгоняя яка,
как пятнышко на промокашке утра
рос из тумана, проявляясь в кляксу.

С почтенным рюкзаком – своим коллегой –
тащусь себе, похожий на верблюда,
невнятно проступая ниоткуда
забавным артефактом у дороги.

Стоим и смотрим, мешкая... (С доски
когда-то в школе мел смахнуть тряпицей
перед уроком я не торопился.)
Звонок... Вздохнув, сотрём в тумане молча
свои изображения. Пять минут
едва пройдёт – и вот уже нельзя
сказать наверняка, что что-то было...

Мгновенья бытия (в горах – столетья)
в тумане выцветают, как чернила.

И Хроноса лохматый древний як
не торопясь ползёт по тропке в скалах
и – фыркает. На каменистых кручах
за два шага уже ни зги не видно,
а памяти раскатистое эхо
живёт недолго за белёсой мглою.

В обрывках от повисшего в пространстве
«Namaste!» – жизнь. Затем, чтоб мы могли
с ней на мгновенье пересечься взглядом.

Thamel

На завтрак – солнце! Город южный
повсюду выставил лотки:
на сковородке каждой лужи
шипят яичные желтки.

И, словно виноват, что об пол
разбилось солнце, в полный дух
весь город крыльями захлопал,
как, свой подъём проспав, петух.

Задышит первым влажным жаром
дымящийся асфальт... Гремит
причудливая смесь гитары
со скрипкою. Пусть сей гибрид

напоминает вой гиены,
но в льющейся его тоске –
любовь и жизнь, что «так мгновенны»
и на непальском языке.

Через ледник – хребет кита,
что известью белило время, –
скребется тропка. Кислота
чужого солнца жжётся. В темя,
курком взведённым прошуршав,
ударит ветер – небо, горы
встряхнув в глазах. Как будто шаг
невидимого Командора,
прислушиваясь, чуешь здесь.
Но алчущим чудес породы
в молчании самой природы
благая чувствуется весть!

Чомолангма

Тибетская сказка

Красавице с бледною кожей
рвёт ветер фату с головы...
В невестах давно, да похоже,
что замуж не светит. Увы,

кто по сердцу ей – неизвестен
(здесь лица скрывают). В чести
тот, кто и отважен, и честен
дела до венца довести.

Рассвет... Как герольды на башнях,
трубят ветры. Блеску корон
молясь, бьёт пришелец бесстрашный
принцессе свой первый поклон.

Чо-Ойю

Тысячи лет,
взбираясь по ступенькам облаков
на небесный чердак,
эта гора
похожа на черепаху-альбиноса.
Если такие бывают...

Эверест

Ю. Утешеву, А. Фойзты

Лагерь. Разногласица. Вокзал... Дорога на небеса –
прямо по леднику. Тот показывает язык
пространству, когда последнее, проглатывая голоса,
всё сказанное при этом увеличивает в разы
с помощью эха. Перевернутый кверху дном
стакан тишины, не пролив от неё ни капли,
глушит шаги, поддающиеся с трудом
счёту по вертикали. Библейский сюжет, не так ли?
Знакомый по старой притче. Петляя, стремится вверх,
как и положено, дух, но упорно бунтует плоть,
в скобках тропы читая, что уже был пример,
как на вершины ходить запрещал Господь.

Дмитрию Бочкову

Чёрные вешки – азбука скал.
Узкой закладкою тропка стремится
между. Туда, где холодный оскал
неба, ей ловко и виться, и взвиться
выше отточенных снежных клыков –
к цели возвышенной, столь же неясной...
Плечи вершины – в плаще облаков.
И тишины по колено, как ряски
в старом пруду. Сверхъестественный свет
плещет крутым кипятком, чтобы в слово
горнею кистью добавил рассвет
чёрного, белого и голубого.

Кризис среднего возраста

Дом заснул – но живёт темнота
в скрипах-шорохах, музыкой дачной
от подполья до балки чердачной
обитая в неожиданных местах.

Зашушукались в печке дрова,
в тон им ссорятся в подполе мыши;
на трубе, потоптавшись на крыше,
ветер грустно играет едва

что-то слышное. Долго звучит
в этом соло, невнятном и зыбком,
трель сверчка: он простуженной скрипкой
в унисон из-за печки ворчит.

Даже на сердце тихо! Что в нём
ближе к ночи ни звука – мешает.
Ночь ещё не заходит (большая!),
только застит оконный проём.

Скоро сорок

(из Дерёка Уолкотта)

Беспорядочные сочетания причудливого
вымысла могут радовать некоторое время
той новизной, на поиски которой нас
отправляет обычная пресыщенность жизнью.
Но вскоре удовольствия от внезапного чуда
истощаются, и душа может найти покой
только в неизменности истины...

Сэмюэл Джонсон

Бессонница – с четырёх... Бодрой скороговоркой
ровный метр дождя барабанит мне,
тыча холодными иглами прямо в подкорку:
«Тебе уже скоро сорок!» – и ожидают взгляд
приближение горизонта до инея на окне,
повод смотреть на тексты сдержаннее – закат,
а не восход угадывая в них, и справедливо: быт
ныне – не бытие – следствие их судьбы
без единой метафоры; впрочем, сколько бы та
ни выглядела неновой и ни была проста,
блеска – строке, страницам – ясности и огня
она добавляет, словно красавица – простыням,
на коих перо могло бы льющий изо всех сил
дождь превзойти количеством расходуемых чернил;
ты, чей костёр когда-то пылал и трещал в висках,
возишься с мокрой спичкой, потягиваешься на носках,
согласный с бульканьем чайника, видишь в своём окне
сквозь глаз жалюзи стекло – не лицу (будто нет
её); затем, наблюдая, как поредели листы
с листвою, мусолишь вещь – одну из самых простых –

цинизм, что в засохший грунт сыплет драконьи зубы,
и ожидаешь дождь, который закончит тему
с чувствами, поступив с ними довольно грубо, –
или в ночных чернилах ловишь слова поэмы,
словно удильщик, – с радостью, грустью, потом с упорством,
до появления усталости, до поздней ночи, –
пока их в садке не станет едва ли побольше горстки...
Лей свою воду сызнава, старый гидролог (впрочем,
ты и не останавливался), видевший землю мокрой
там, где прилив луна прежде рождала просто,
а ныне слезой росы плачут очки и стёкла.

Уныло... Уши тишиной, как ватой,
заложены. И, выходя под дождь,
куда-то на ночь улицей бредёшь,
наохлившись, как в чём-то виноватый.
Вот-вот закроет лужицы мороз.
Ворчит дождём октябрь... Зов природы:
на жизнь свою собачью и невзгоды
луне, рыдая, жалуется пёс.

Сонет

Итак, прощай.
Ты хмуришься напрасно...
В. Ходасевич

Не взгляд – удар двузубой вилкой! (Луч
луны теплей!) Бесстрастней, чем порядок
вещей, сверкнув из гривы рыжих туч,
он, как рентген, просвечивает. Взглядом

укажут: «вместе» есть антоним «рядом».
И сколько ни упорствуй, ни канючь,
пытаясь спешно обнаружить ключ
к дверям «прощайте», – всё ж в замке «не надо»

его заест... Дождь. Улицы пусты.
Зеваки вымерли... Чадающие мосты
размазывают грим на лицах. Сажа,

однако же, прекрасный матерьял –
изображать всё то, что потерял,
поскольку, чем он б ы л, – уже неважно.

Сонет

Жизни спутанные нити...

Д. Мережковский

Кривой рубец дороги... Поля
щека. Щетиною ковыль,
её покрывший... Небо – воля
и время. Если время – пыль...

Хотя оно скорее море.
Его рассекши, каждый киль
разрез бы в сотню тысяч миль
оставил, если б мог... В узоре

хитросплетения дорог –
тех, чьё начало и итог,
переплетаясь, рвутся где-то, –

жизнь – действие, яркая комета,
восторг паденья, где восторг
и есть всё существо предмета.

Горизонт – воображаемая линия...

Линию вообразить легко –
и воображенье не у дел:
всё, что б ни представил, – далеко,
чтоб попасть в рассмотренное. Бел
лист бумаги, до того как он,
с помощью пера, карандаша,
был поделен (или поделён?)
на две части, – видимо, душа
провела черту – и враз ясней
ближний план и сумрачнее даль,
где маячит, словно бы во сне,
будущее. Отчего-то жаль,
что воображенье нам давно
горизонты сузившим дано.

Сонет

Н. Митрошиной

Случается, понять бессилён ум,
как голос обнаруживает мощь
и в шёпоте, едва напомнив шум
под ветерком волнующихся рощ,
как свет входя в разверстое окно,
чтоб Время, словно зёрна в жерновах,
размалывало годы и вином
в душе бродили терпкие слова...
И чтобы вновь, пока леса полны
зверья и сказок, Неба дальний звук –
быстрейший вестник голосов иных,
никем ещё не слышимых вокруг, –
мчал мотыльком на свет, пока темно,
в душе случайно разглядев окно.

Скажи, Любовь...

1

Такие взгляды
лучше метать из пращи,
или можно
наполнить ими корзину
рядом с позорным столбом
в ожиданье толпы
и заменить всю толпу,
если та задержалась...
Так, не мигая,
умеет смотреть
только зрачок мм 9.

Хочешь,
я промокну твои губы
салфеткою утра,
в которую
давно завернул поцелуй?

2

Есть множество вещей в этом мире:
море и сожаление,
душа и земля,
звёзды и крест на каждом холме,
клятва и время...
Скажи мне, Любовь,
ты всё ещё во всё это веришь?

3

Мои письма, что раньше тебя раздражали,
но которые ты не сожгла,
снова листаешь и видишь: «земля!»
Мой адрес – как остров в бушующем море.
Тебе потребовались годы,
чтобы это понять.

Кризис среднего возраста

Едва ли помешает нашатырь...
Покой прописан, да никак не купишь.
Команда слуг, когда-то поводырь
надёжный, ныне складывает кукиш
из пятерни недавно честных чувств.
Стакан берёшь, как «ля» в забытом соло.
Тот, что уже наполовину пуст,
хотя ещё наполовину полон.

Сонет

Коробка. Плюш. Топтыгин спит... Нельзя
сказать с уверенностью, впрочем. Вроде жив
был нынче днём ещё, но в ящиках стезя
лежать – обычная для всех. И он лежит.
Как в сундуке – поношенный пиджак.
Так, персонифицируя в ч е р а
и старясь, вещи – кажется – лежат,
бесстрастны ли, мертвы ли... Их чела
ни мысль, ни чувство не отяготят.
Моль времени плюс вещь – в итоге пыль,
труха внутри. И, в общем-то, пустяк
(ах, если б он в действительности был!)
вся жизнь, что вещь, преобразуя в прах,
покой приумножает, а не страх.

Фотография. Октябрь

Стоим с тобой в обнимку;
туман, как инвалид,
стал за спиной, чтоб снимку
придать унылый вид, –

так, словно из кювета
он выбрался. Кювет
лежит, белея с лета,
скатёркой на траве.

Всклокоченною гривой
над профилем седым
у леса торопливый,
как папиросный, дым.

И выше, в кронах набок
под ветром, меж ватаг
вороньих, светит слабо
начищенный пятак.

А между крон и неба
поверхностью рябой
гоняют хлопья снега
в пятнашки меж собой.

Ватное небо... Сорная мгла
сыплется вниз, сеясь в мелкое сито,
жменею брошена – меркой на глаз;
сверху повисшая тысячей ниток,
путает мысли, сводит с ума,
гонит в тепло, не велит возвращаться...
Крыши-зонты расправляют дома –
от темноты и дождя защищаться.
Окон горящие волчьих зрачки
смотрят вовнутрь! Мы – люди – пугливы.
Ночь надевает окошки-очки
и изучает нас неторопливо.

Н. Оленевой

Возраст, знача не больше чем рост,
подобен поезду, что обречён
таскать за собою собственный хвост.
Когда, не думая ни о чём,

сам себе пассажир, меж иных (любых),
ложечкой побрякивая в стакане
с е г о д н я, на стыках ж.-д. судьбы
хрустишь хрящевую тканью –

приходит само, что изгиб спины
воспроизводит линию на ладони
и та достигает максимума длины,
если рассмотренный тезис понят.

Под семафоры хватаящих рук
жизнь, как скорый, летит на «красный»,
покуда тебе, мой далёкий друг,
при всякой погоде не станет *ясно*:

всех составов, сбегающих в дол с горы,
смысл движения укладывается в окно
в виде хвоста, так как суть игры –
в правилах, позволяющих это. Но –

о позвоночнике. Его куски –
лишь части целого, и не играет роли,
что годы, как вывихнутые позвонки,
помнятся количеством и видом боли.

Во глубине сибирских руд,
которых здесь ещё хватает,
а радостный и скорбный труд
не стоят больше, чем в Китае,

мотив судьбы – тяжёлый госк,
зима беременности вроде,
чи девять месяцев – лишь срок,
чтоб лето выносить природе;

ночь глубока, как бас; кошмар
дверных бельканто у подъездов,
и, словно альт, поёт комар
тысячеструнного оркестра.

Деревня

Утро. В тумане дома – подлодки.
Рвут петухи, наслаждаясь, глотки
и с первобытной туземной страстью
долго не могут прийти к согласью.

День начинается на заборе.
Солнце, нащупав все дырки в шторе,
не распугав суеты амурной,
роется в содержимом урны.

Серость не цвет. Лишь коровы – в пёстром.
Каждый двор – вариант погоста.
Ржавые кости. Машины словно
остовы мамонтов, что поголовно

вымерли. Грязь замещает Лету,
кануть куда суждено... Но это
не награждает вниманьем пресса –
ту интригует бужет, не пьеса.

Власть высоко. Бога нет. Есть мыши.
Жизнь протекает, как дырка в крыше.
В крике последнем (предсмертном) мода:
чучела в клубах и огородах.

Выпачкан тыл, в пузырях колени, –
признак любви на прогнившем сене,
и перегар (плачь, семья и школа!) –
определяющий признак пола.

Свадьбы отличны масштаб драки,
пьют и работают лишь собаки,
кошкам доверена здесь Природой
миссия по продолженью рода.

Чтоб навсегда, и в дожди, и в вёдро,
здесь, распластавшись на смертном одре,
вплоть до последнего вздоха-стона с
пьяною рожей валялся Хронос.

Май. Из детства. Утро. Душа

1

Чуть наскоро всплакнул –
уже своё проплакал.
И всё – как вазу на пол! –
в душе перевернул.

2

И малости из детства хватит –
брести пшеницей до межи,
где поля свёрнутая скатерть
большими скирдами лежит.

3

Хорошо, когда сырые сосны
пахнут так, что горечь на губах,
и росы сорвавшиеся звёзды –
на траве густой, как шерсть собак.

4

Едва воскреснешь к новой жизни,
по звёздам-запахам спеши,
душа, на горький дым отчизны...
Там столько места для души!..

В. Брусьянину

Промозгло снаружи. Да дело не в том,
что дело к дождю, по погоде – заплакать...
И ставень заладил-завыл за окном,
надсадно выводит бродячей собакой

протяжное соло осенней тоски
так членораздельно... Бесцельно и резко
ломает осины под ветром... Броски
совсем голых рук... Только взмах занавеской-

платочком: прощай, мол... мол, лето уже
закончилось... всё... Словно жизнь на вокзале,
где миг – так вот близко, душою к душе, –
когда бы сказать?.. Отчего ж не сказали?..

А холод, вползая, кольцо за кольцом
свернётся внутри, оплотняя навивы,
и осень-старуха с поблекшим лицом
ожжёт тишиною больнее крапивы.

Афанасьев. Последняя книга

Если из-за плеча
дышат, сквозит в затылок
холод – не замечай
оцепененья жилок,
даже когда ледок
первый в крови! Неровен
почерк твоих следов,
рвётся на полуслове,

чтобы повлечь туда,
где у последней кромки
путаются в следах
и голоса потомки.
И упрекнуть нельзя –
мол, да, неаккуратно.
Там ни за что не взять
сказанного обратно.

Время не помнит лиц,
но сохраняет пылкий
голос. Тот – пенье птиц,
только – письмом в бутылке,
что принесла волна
в бую – по меньшей мере
через столетья – на
осиротевший берег.

Голос – отдельный вид
существования. Эхо
в силах остановить,
в сущности, время. С веком

каждый простясь кумир,
вечно пребудет жив там,
глядя на этот мир
подслеповатым шрифтом.

Ночь... Многоточье звёзд –
россыпь морзянки... Космос –
чёрный громадный пёс-
аргус – на перекрёстке
множества голосов
видит (!), как человечки-
буквы спешат на зов –
сделаться частью речи.

...Если финал строки
(в поисках нужной строчки)
вверивается-таки
глупому многоточью,
значит, придёт само,
и сединою-мелом
будущим нам письмо
сладится между делом.

Где ты?.. Письмо – куда?
Лета – почтовый ящик.
Лепту прими, вода,
пролившись настоящим.

Бог моего детства

(из Милана Руфуса)

Я видел Его не раз
в детстве. Со мною рядом
Он возникал. Тогда
тонкие крылья глаз,
вспорхнув, провожали взглядом
Его всюду – там, куда

нынче мне не летать.
Но Он-то, я знаю, там!

Похоже, на самом дне
взгляда – в душе иная
пара глаз есть, что может
видеть любовь, боль. Просто

миры, отражаясь в них,
могут
существовать

в каждом
рядом, как крест
и множество перекрёстков.

В минуту усталости

(из Милана Руфуса)

Чей же ты, белый свет?
Скажи, не таись!
Кем подписан твой первый лист?
Факсимиле чьё?
Кто отпускает стихию, минуты
опасности, если
лучший шанс уцелеть
в бурю даруется крысам?

Отчего дух уязвим всякий миг,
а каждая рана как выход?
Почему же всё выглядит так,
что ему до себя,
кажется, вовсе нет дела?

Два сонета

(из Уильяма Шекспира)

64

Я вижу... От богатств былых веков
одни руины оставляет время,
от красоты – лишь груды черепков,
и даже в бронзе ржавчина, как семя,
пускает корни; там, где города
шумели прежде, ныне плещет море,
и где ещё вчера была вода –
молчит пустыня, счёт потерь ускорив...
Когда я вижу этот вечный круг –
всё, что из праха, снова стало прахом, –
смерть, вид длиннейшей из земных разлук,
опять меня терзает горьким страхом.

Любовь и жизнь – то, что всего дороже, –
ты бережёшь, но сохранить не можешь.

65

Всё бrenно в мире: бронза и гранит,
земля и море... Времени подвластна
и красота (цветкам не сохранить
её – недолговечностью прекрасным).
И как весне, что всякий раз нова,
сберечь навек своё дыханье свежим,
коль даже сталь и скалы жернова
веков перетирают в пыль?! Так где же
храниться самоцветам красоты –
в каких ларцах, а не в гробах столетий?
Кто Время с поднебесной высоты
заставит не царить на этом свете?

Известна лишь одна такая сила –
любовь, что проявляется в чернилах.

Остановка в метель на опушке леса

(из Роберта Фроста)

Я понял вдруг, чья эта чаща, –
хозяйка здесь, в деревне спящей.
Но видеть, кто забрёл сюда, к
ней в гости, – снег не даст слепящий.

Лошадка думает – чудак
её хозяин, верно. Как
ей втолковать, зачем мы тут,
когда кругом кромешный мрак?

И бубенцы, на пять минут
примолкнув, снова задают
вопросы – спрашивать легко
там, где темно, где вас не ждут.

В лесу чудесно – тьма, покой...
Да только солнце высоко
и до ночлега далеко.
Да, до ночлега далеко.

Блюз Римской стены

Воспоминанья нам даны
в простейших формах – мутных фото,
фамильной рухляди... Вины
невразумительная нота,
того гляди, подымет пыль
в кладовке старой, где так пусто
давным-давно. Иссякший пыл
с неловким и забытым чувством
сквозняк раздует, так как для
незваной мысли важен повод.
Та бьёт, как оголённый провод, –
и хочется начать с нуля.

Книга

Её худой, раздёрганный скелет –
добыча времени в утробе пыльной полки,
пригодный прежде в пищу для ума,
а ныне – тленья. Здесь, как археолог,
благоговей, вкрадчивой рукой
сметаешь прах с костей, что сами прахом
не стали лишь по недоразумению.
Язык, как остов времени, хребет,
последующей всякою эпохой
обгладываем дочиста. Резцы
пройдутся вновь по сухожилиям чувств
и мышцам мысли, чтоб, костями в чреве
осев, дать пищу снам, мечтам и сердцу.

Что з н а н и е – любви когда итог
всегда известен загодя Оно бы
терзающее точностью явилось
пародией таблицы умноженья
Как истина не более чем эхо
и частное от неизвестных чисел
что поискам содействуют отмычки
(один в один!) для прорези Пространства
По самой непонятной из причин
(причины – все! – сомнительного свойства)
рассматриваем следствия Пружина
раскручивая глобусы и мифы
заведена не силой совершенства
всего-то любопытством Что всезнанья
унылый караван в пустынях смысла
когда предел – линейка горизонта
Не тело сносит тяготы пути
В стремленье на ночь всякий раз забыться –
душа когда предмет её мечты
оазис – вечный плод воображенья
По горнему тоскуя словно за день
томленья в клетке вместе с темнотой
услышишь ли что там бормочут звёзды
шептавшие прапращурю Адаму:
бесплодно созерцанье под ногами
деталей бесконечного ландшафта

Элегия Уистену Х. Одену

(из Иосифа Бродского)

Под чёрным деревом лежат –
листвою – печальный год,
твой взнос в последний урожай –
смерть, – самый горький плод.

Земля пуста и тверда, окрест –
лопат похоронный звон.
В апрельских ростках твой огромный крест,
заметный со всех сторон,

побегов не даст, но и тень его
важней всей травы. Сейчас
речь, став меньше на одного,
съёживается до нас.

Теперь слова – перья мёртвых птиц –
по словарям. Пусты
в небе тысячи белых страниц,
тех, что не сделал ты.

Кроны шепчутся в вышине
вновь по знаку Его,
но Творца поминать здесь мне
хотелось бы меньше всего.

В вечной дали суждено вещам
таять, однако смерть
может порою им возвращать
истинный их размер.

INTERPRETI VENEZIANI

Элегия

Рябь мостовых, переходящая в рябь лагуны.
Ножницы чаек. Резкие взмахи в утреннем воздухе –
крой тонкой стеклянной ткани во всех направленьях.
Горизонт кажется также сделанным на Мурано,
в силу ли особой дымки или стоимости за сутки.
На тусклой скатерти Сан-Марко челноки голубей
(о торжество местных ремёсел!)
неторопливо вышивают прихотливый узор –
гигантскую грязно-серую пляксу.
Куртки туристов превращают площадь
в лоскутное туземное одеяло (новое – всякий день),
что очень легко – свернув – взять на память
с помощью изделия фирмы Kodak.
Голуби и туристы здесь словно признаки жизни
и подобны одноклеточным организмам.
Но если вспомнить, что жизнь появилась в водичке
в виде колонии одноклеточных водорослей,
то понимаешь: Венеция – организм,
в равной степени состоящий из тех и других.
Однако голуби представляются мне честнее,
ибо, не отвлекаясь, делают то,
что и положено одноклеточным,
не тратя времени на кьянти и Караваджо...
Мостовая, ползущая из-под ног, как и пол в отеле,
выглядит простым продолженьем палубы
судёнышка со смешным названием «вапоретто».
Крен неизменно компенсируется количеством граппы,
меняет угол зрения на людей, предметы,
но больше – на пространство и время.

Бары и музеи полны (видимо, именно в таком порядке).
В Chiesa San Vidal, прямо за мостом,
беспрерывно дают Вивальди и Корелли, тогда как
время серую бесконечную массой
утекает под мост Academia.
Слушая «LE QUATTRO STAGIONI» (op. 8, n. 1),
лучше понимаешь, что значит «всегда» и «нигде».

Венеция

Чертит пёрышком на глади
тусклой с зеленью воды,
словно в выцветшей тетради,
ветер лёгкие следы.
Станет небо высоко, и
свет плеснёт отвесно вниз,
сразу выглядит доскою
карта сверху (шахматист
строил? Что ж, губа не дура
у него. Господь прости!).
И внизу цветным фигурам
всё одно, куда идти.

Дунай

Ну какая шальная погода!..
Воздух крепок – не надо вина!
Даже солнце засмотрится в воду.
Сколько неба вмещает Дунай!
Всяк сюда поспеши спозаранку –
привести себя в правильный вид.
Старый город с морщинами замков –
в честном зеркале... Нет ни обид,
ничего, что имело б значенье...
Всё Дунай – и дела, и слова –
вдруг подхватит, закрутит теченьем,
чтоб кружилась, как встарь, голова.

Эпитафия И. Б.

Он умер в январе, в начале года...
Такая б не могла присниться кода
ему *тогда*. Но стих был в руку... Тень
его ждала знакомая. Не ахнув
услышав: «Вот и Вы!», он вынул драхму,
зачаленную им на чёрный день.

Блюз

(из Уистена Х. Одена)

Останови часы, пусть телефон молчит.
Пса косточкой купи, и тот не зарычит.
Утихомирь рояль. Под барабанный бой
гроб чёрная толпа выносит. Над тобой

в пустынных небесах печальный самолёт
начертит: «Он ушёл в последний свой полёт...»
Из крепа сизарю свяжи на шее бант.
А краги постовых сегодня чёрный кант.

Он Югом был моим, и Севером был – он.
Он мой рабочий день и мой воскресный сон,
светила, облака, вой ветра, шёпот трав...
Я думал, что любовь – навек. Я был не прав.

Он умер. Погаси гирлянды праздных звёзд.
И солнце и луна к чему теперь – вопрос.
Слей океан в бутыль, забудь дорогу в лес.
Отныне ничего ты не отыщешь здесь.

И в неизбежно важном шуме завтра,
когда, как звери, брокеры ревут
на биржевой арене,
стоны бедняков – обычный хор,
привычный им самим,
и каждый узник одиночки
почти что убеждён в своей свободе, –
есть тысячи, что вспомнят этот день
в ряду подобных, ибо
все приборы
пришли тогда к согласью: самым мрачным
день его смерти стал в календаре.

2

Ты прост был, как и все мы,
но – с даром выжить всё ж
среди мук души и плоти, восторгов модных дам.
Безумная Ирландия, Поэт, – твоя беда!
Там и сейчас всё те же безумие и дождь.
Что до стихов, то с ними почти без перемен
в долинах слова, там, куда не в силах полисмен
попасть, когда бы и хотел; слова текут на юг
из поднебесья, нищеты, безмолвия и сцен
в сырых посёлках, из тоски и смерти, об Отце
молитвы; т а м слова живут и выживать дают.

3

Дар, земля, прими же! Здесь
стал тобой Уильям Йейтс.
Он лежит, но рядом лечь
не пойдут стихи и речь.

Беспощадно до конца
к чистым душам, храбрецам
Время. Им побеждена
красота, а отдана

вся любовь его – словам;
тем прощенье, кем жива
речь, что спишет трусость, зло,
лавром увенчав чело;

Время им простит грехи:
взгляды Киплингу (стихи
хороши), Клодель прощён
(кто мог так писать ещё?).

Над Европой ночь, и мрак
рвёт на клочья лай собак;
все соседи ждут, когда
и к кому придёт беда.

Каждый встречный – идиот
и кривит усмешкой рот,
лёд во взгляде (даже ложь
незаметна) бросит в дрожь.

Так ступай, ступай, Поэт,
в ночь, где дна и света нет,
и лишь голос твой из тьмы
скажет нам, что живы мы.

Горечь строк твоих – вино
правды – нам налей. Одно
пой: о горестях людей,
результате их страстей.

Пусть из недр пустых сердец
что-то хлынет наконец...
В тюрьмах дней, и душ, и глаз
научи молиться нас.

Поэт

(из Милана Руфуса)

Слепцом, как Гомер, он видит
возникновение мира из пыли и света.
Глухим, как Бетховен, он слышит –
капли росы, не проснувшись,
срываются с листьев.

Прихрамывая, как Гефест,
он входит, как в кузницу,
в суть всякой вещи.

Он делает это, не ведая, как и откуда
он знает всё то, что он знает за всех.

Блюз Римской стены

(из Уистена Х. Одена)

В мокром вереске даже ветер вязнет;
в моей тунике – вши, да и в носу не праздник.

Нудным гостем дождь тараторит не уставая.
Я – солдат Стены, а почему – не знаю.

Туман ползёт по её камням, точно вошь на теле.
Моя девчонка в Тунгрии, а не в моей постели.

Некто бродит там вокруг её дома (пока что – вне):
у него отвратительная голова, да и всё, что в ней.

Пиза – христианин (он молится Рыбе),
за поцелуи вздёргивал бы на дыбе.

Она дала мне кольцо, но я проиграл его в кости;
мне нужны мои деньги, и – к девчонке в гости.

Сделаюсь ветераном, пускай с одним глазом, –
буду плевать в потолок, да и в небо – разом.

Ад

(из Уистена Х. Одена)

Ад – нигде: ни там и ни здесь.
«Ад» проще, видимо, произнестъ,
нежели думать, где же он есть.

Трудно представить грядущее. Дна
руин не достичь. Во все времена
лучше глазеть из окна.

Жребий homo не будет иным:
жить с рожденья с чувством вины
или сказаться больным.

Книжных химер только мизерный атом
есть всё отличие «старшего брата»
от кузена-примата.

Гордость о нём говорит: «Нет его».
«Есть! – надежда шепчет вдогон. –
Ад лучше, чем ничего!»

Время, гордясь тем, что глупо и слепо,
может легко, как и столь же нелепо,
сдать то, что ум защищает, как крепость.

Если ж недуг или глупые сны
нами владеют – будем честны:
смерть – это выход. И вся недолга.
Как бы себе ни хотелось солгать.

«Сюзанна» Леонарда Коэна

Александр Ф. Скляр

1

Ждёт тебя Сюзанна
там, где речка катит мимо
и гудят в тумане лодки.
С нею будешь до рассвета...
А она почти безумна,
потому-то ты и с нею...
Чай и фрукты на окошке,
что приплыли из Китая...
И когда сказать ты хочешь,
что любить её не в силах,
она смотрит сквозь ресницы,
позволяя стёклам плакать,
и тогда её ты любишь...

С нею хочешь заблудиться,
как в ночи – слепой прохожий,
знать: она тебе поверит...
И коснуться нежной мыслью её кожи.

2

Был Иисус моряк от Бога
(Он ходил по Иордану).
И с высокой мачты землю
видел Он, пока не умер...
А когда узнал, что виден
лишь утопленникам, – молвил:

«Пусть мужчины ходят в море –
лишь оно даёт свободу!»
Но Его никто не слушал –
может, разве только небо,
что слова потом нашепчет.
Ты найдёшь их, словно камни, – на дороге.

И ты хочешь в Нём забыться,
как в ночи – слепой прохожий;
веришь: Он тебя отыщет,
для того чтобы коснуться тебя тоже.

3

А теперь тебя Сюзанна
повлечёт к реке, в которой
отраженья ваши вместе,
если ветер их не трогал,
и река небесным мёдом
до краёв полна. Сюзанна
одному тебе покажет –
облака несёт теченьем,
точно водоросли в небе,
и плывут героев души,
словно дети ранним утром...
И конечно улыбнётся
в этом зеркале случайном
отражение Сюзанны...

И ты хочешь с ней забыться,
как в ночи – слепой прохожий,
знать: она тебя отыщет
и коснётся мыслью нежной тебя тоже.

Примечания

- 12 *Тифон* – в греческой мифологии чудище, издающее голоса диких животных.
- 29 *Шабунин Олег Григорьевич* (1950 – 2000) – томский художник.
- 60 «*Namaste*» – приветствие на языке непали.
- 61 *Thamel (Тамель)* – один из центральных районов Катманду – столицы государства Непал.
- 61 *...смесь гитары со скрипкою...* – саранж, – национальный музыкальный инструмент профессиональных музыкантов касты *гандарба*.
- 63 *Чомолангма* – тибетское название Джомолунгмы (Эвереста).
- 63 *...здесь лица скрывают...* – альпинисты совершают восхождения на вершины (высотой более 8000 м) в специальных кислородных аппаратах, где маска почти полностью закрывает лицо.
- 64 *Чо-Ойю* – одна из самых высоких вершин (8201 м) Гималайского хребта.
- 65 *Библейский сюжет* – притча о Вавилонской башне.
- 66 *Чёрные вешки – азбука скал...* – традиция тибетских паломников и высокогорных носильщиков-шерпов складывать каменные туры для ориентировки на местности.
- 70 *Уолкотт Дерек* (р. 1930) – поэт (пишущий на английском), гражданин государства Тринидад. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1992). Друг Иосифа Бродского. Живёт в США.

- 77 ...зрочок мм 9... – калибр огнестрельного оружия.
- 89 «Афанасьев. Последняя книга» – Афанасьев Олег Алексеевич (1939 – 2002) – известный томский театральный актёр, режиссёр, заслуженный артист РФ, автор нескольких поэтических книг.
- 91 *Руфус Милан* (р. 1928) – известный словацкий поэт, переводчик Пушкина, Есенина, Пастернака и др. русских поэтов на словацкий язык.
- 94 *Фрост Роберт* (1874 – 1963) – один из крупнейших американских поэтов XX в.
- 100 «Элегия Уистену Х. Одену» – первое из опубликованных Иосифом Бродским стихотворений, написанных на английском языке изначально (1974).
- 101 *INTERPRETI VENEZIANI (итал.)* – «Венецианские исполнители». Название одного из струнных оркестров Венеции.
- 101 *Мурано* – остров в Венецианской лагуне, знаменитый тем, что в его многочисленных мастерских производятся изделия из всемирно известного венецианского стекла.
- 101 *Сан-Марко* – центральная площадь Венеции.
- 101 *Кьянти* – сорт вина из провинции Тоскана (Италия).
- 101 *Караваджо* (1573 – 1610) – итальянский художник эпохи Возрождения.
- 101 *Граппа* – сорт виноградной водки.

- 102 | *Chiesa San Vidal* – старинная венецианская церковь, где проходят концерты струнной музыки.
- 102 | *...Вивальди и Корелли...* – Антонио Вивальди (1678 – 1741) и Арканджело Корелли (1653 – 1713), великие композиторы-венецианцы.
- 102 | «*LE QUATTRO STAGIONI*» (op. 8, n. 1)... – пьеса Арканджело Корелли.
- 106 | *Оден Уистен Хью* (1907 – 1973) – один из крупнейших англо-американских поэтов XX в.
- 107 | *Йейтс Уильям Батлер* (1865 – 1939) – известный ирландский поэт.
- 109 | *Киплинг Джозеф Редьярд* (1865 – 1936) – английский поэт.
- 109 | *Клодель Поль* (1868 – 1955) – французский поэт.
- 111 | *Рыба (...он молится Рыбе...)* – сакральный символ Иисуса Христа.
- 113 | «*Сюзанна*» *Леонарда Коэна* – вольный поэтический перевод (с английского) текста песни «Сюзанна» канадского рок-поэта и музыканта Леонарда Коэна (р. 1934). Впервые песня прозвучала в исполнении Джудит Коллинз в 1967 г.

Содержание

5	Подбадривающий блюз. <i>Кейс Верхейл</i>
	Мелодия города
9	«Воспряв, как дворник ото сна...»
10	2001
11	Голубь
12	Дежавю
13	«Птиц запятые на белом, туман...»
14	Ледоход в Лагерном саду
15	Пятое февраля
16	Первый снег
17	«Город, заросший щетиной антенн...»
18	Оконный блюз
20	Мелодия города
21	«Мгла побежала в ливнёвку. Дома...»
22	Гроза
23	Цветные стихи
25	Метель
27	«Сосульки никелевый гвоздь...»
28	Строфы
29	Эскизы Олега Шабунина
30	Окно в музее
31	Незаметные ночью (<i>из Л. Коэна</i>)
32	«Середина июля тянется долгим кошачьим “мяу”...» (<i>из Д. Уолкотта</i>)
33	«Тает снег... Тает снег...»

Июль. Падают звёзды...

- 37 «Под утро сны безлики, как идеи...»
38 «Утренний лес...»
39 Через реку
40 «День выгорел до основания...»
41 Июль. Падают звёзды...
42 «Когда полуденную тенью...»
43 Отрывок
44 «Клубами табачного дыма рассвет...»
45 «Жигулёнок, как пёс, спозаранку...»
46 «Обернёт мошкой плечи...»
47 «В детстве можно человеку...»

Пейзаж со слоном

- 51 «Действительность в колониальном стиле...»
52 «Какой ветрище!.. Кажется, нагорье...»
53 «Ночь явственнее из окна...»
54 Пейзаж со слоном
56 «В котле ущелья варевом...»
57 Скалы
58 Памяти Сергея Черноярова
59 «Смысл каждой взятой высоты...»
60 «Тибетец-шерпа, подгоняя яка...»
61 Thamel
62 «Через ледник – хребет кита...»
63 Чомолангма (*Тибетская сказка*)
64 Чо-Ойю
65 Эверест
66 «Чёрные вешки – азбука скал...»

Кризис среднего возраста

- 69 «Дом заснул – но живёт темнота...»
70 Скоро сорок (*из Д. Уолкотта*)
72 «Уныло... Уши тишиной, как ватой...»
73 Сонет
74 Сонет
75 «Линию вообразить легко...»
76 Сонет
77 Скажи, Любовь...
79 Кризис среднего возраста
80 Сонет
81 Фотография. Октябрь
82 «Ватное небо... Сорная мгла...»
83 «Возраст, знача не больше чем рост...»
84 «Во глубине сибирских руд...»
85 Деревня
87 Май. Из детства. Утро. Душа
88 «Промозгло снаружи. Да дело не в том...»
89 Афанасьев. Последняя книга
91 Бог моего детства (*из М. Руфуса*)
92 В минуту усталости (*из М. Руфуса*)
93 Два сонета (*из У. Шекспира*)
94 Остановка в метель на опушке леса
(*из Р. Фроста*)

Блюз Римской стены

- 97 «Воспомяненья нам даны...»
98 Книга
99 «Что знание – любви, когда итог...»

100	Элегия Уистену Х. Одену (<i>из И. Бродского</i>)
101	INTERPRETI VENEZIANI. <i>Элегия</i>
103	Венеция
104	Дунай
105	Эпитафия И. Б.
106	Блюз (<i>из У. Х. Одена</i>)
107	Памяти Уильяма Батлера Йейтса (<i>из У. Х. Одена</i>)
110	Поэт (<i>из М. Руфуса</i>)
111	Блюз Римской стены (<i>из У. Х. Одена</i>)
112	Ад (<i>из У. Х. Одена</i>)
113	«Сюзанна» Леонарда Коэна
116	Примечания
118	Содержание

Андрей Михайлович Олеар

Оконный блюз

Книга стихотворений

Редактор

В. С. Сумарокова

Редактор переводов с английского

Н. С. Гаврилова

Корректор

Н. М. Митрошина

Оформление

Евг. Васечкин

Верстка

М. Ф. Шарвэ

Подписано в печать 15.08.2007. Формат 84x108¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура FranklinGothicBookC.

Усл. п. л. 8,0; уч.-изд. л. 6,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 097 – 24.08.07.

Издательство ТГУ

634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Оконный БЛЮЗ

Читать стихи Андрея Олеара – как слушать новую музыку. Занятие приятное и благородное. Гибкая структура стиха, свежие метафоры и сравнения рисуют почти райское блаженство: «из рук берёзы прямо в снег сыплются солнечные семена»; сами берёзы «крутят бигуди»; синий шёлк неба спелёнат в мятой кальке облаков, а зелёное солнечное яблоко греет и моль, которая «мчится на ужин», и белых бабочек, садящихся на ладошку... В его стихах свободно разгуливают огромный, как Эверест, слон и «одетый “от кутюр” – Природы» погонщик; «луне, рыдая, жалуется пёс», а в нагромождениях ледника легко угадывается хребет доисторического кита... Эти стихи освобождают нас от повседневности, даже когда описывают её. Это сама стихия в действии, что воспевает как быстротечное, так и постоянное...

Валентина Полухина,
профессор Кильского университета
(Великобритания)